

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

4. Пороги

Утром Яна открыла глаза и сразу же увидела за окном голубое небо и высокую стену неподвижных елей. Дианы в номере не было. Яна прислушалась, но ни из душевой, ни из коридора не доносилось никаких звуков. В номере была такая тишина, что Яна пощелкала пальцами, чтобы убедиться, что со слухом у нее все в порядке. На мгновение она представила себе, что осталась одна, без денег, без вещей, непонятно в каком отеле... «И что же ей делать? Нет, конечно же, непоседливая Дианка просто вышла куда-то, чтобы прогуляться. Ну и мысли лезут мне в голову со сна. Диана меня никогда не бросит. Уж об этом я могу не беспокоиться, подумала она. Ну, раз-два, встала...».

Когда она, умывшись, сидела на кровати и причесывалась, дверь номера открылась, и послышался голос Дианы.

— О, отлично, ты уже встала! Идем завтракать. Ну и заспались мы после вчерашних приключений.

— Да я и сейчас еще сонная. Мне такое приснилось!

— Что? — спросила Диана, прикрывая балконную дверь.

— Мне приснилось, что меня взяли в плен.

— Кто?

— Польские фашисты.

— Боже, что ей снится! И что дальше?

— Нацепили на меня какой-то прибор и сказали, мол, иди куда хочешь, но ты все время должна докладывать о своем местоположении. И вот пришла я к тебе домой,

вхожу во двор, ты стоишь с миской и вишни собираешь. Посмотрела на меня и говоришь — ну что, будешь докладывать? А я отвечаю — а что же мне делать? Меня взяли в плен... А сама понимаю, что местоположение им нужно для того, чтобы наносить точечные удары...

— И в этом месте, я, наверное, взяла твой приборчик и выбросила его на помойку?

— Нет. В этом месте я проснулась.

— Интересный сон. Запомно. Может, пригодится. Эх, Янка! Пошли, там внизу классный шведский стол. Столько вкуснятины! М-м-м!

— Ну и сорим же мы деньгами!

— Вот она — вся людская суть! Сорить деньгами люди боятся, а временем сорят во всю. А ведь сами же говорят, что время — деньги...

— А где ты была? — спросила Яна, откладывая в сторону гребень и поднимаясь с кровати.

— О, пока ты спала, я столько уже видела!.. Осторожно, дверь я сама закрою... Тут такие нанотехнологии! Открывается дверь вот этой карточкой... Так вот, проснулась я, вижу, ты спишь, я и решила разведать тут все! Поиграла с одним мужиком внизу в пинг—понг, побродила по отелю, познакомилась со скандинавами. Очень прикольные оказались. Хотя я их не особенно поняла, но, как я, в конце концов, догадалась, они тут в номере порно снимают. Я им говорю,— по!.. по!.. мол, итс импосибал, а они мне в ответ — посибал, посибал... Их там пять мужиков! Представляешь!.. Я в такой мизансцене!

— Дианка, прекрати,— прикрыв рот, засмеялась Яна.

— Вот, так мы проходим мимо своего счастья... А ведь был шанс стать звездой!.. Ладно... Потом зашла в ресторан и увидела метрдотеля. Представь, он просто вылитый Уильям Фолкнер! Сейчас ты сама его увидишь. Сходство невероятное! Мне даже захотелось с ним сфотографироваться под ручку. Представляешь, снимочек — я и Фолкнер! Это был бы снимок всей моей жизни!.. Вот только беда — Фолкнер умер в 1962 году. Эх, жаль!..

— Почему бы тебе не представить это как перемещение во времени,— улыбнулась Яна.

— Ха!.. Почему бы мне, действительно, не переместиться во времени!

— Жаль, что никто не поверит.

— Со мной чего только не было!.. Ты мне потом напомни, я тебе расскажу... Что же еще... А!.. Звонили Ник с Женькой, я сказала, что ты еще спишь. Клев у них невероятный! Представляешь, Женька поймал с лодки сома!.. Потом он тебе сам расскажет. Хм!.. Я никогда еще не готовила сома. Надо будет посмотреть в рецептах.

— А когда они возвращаются? Нам надо успеть что-то приготовить к их приезду.

— В том-то и дело, Ник сказал, что они хотят остаться еще на одну ночь. Завтра возвращаются. Спрашивали, не очень ли мы расстроимся. Я им сказала — ребята, полный вперед. Мы с Янкой не скучаем. Женька, конечно, о тебе очень беспокоится, но я заверила его, что не отхожу от тебя ни на шаг и держу все время за руку. А спали, так, вообще, в одной кровати.

— Эх, Дианка, ты — человек праздник.

— Который, заметь, всегда с тобой!..

Лифт мягко остановился, хромированные двери открылись, и Яна увидела сверкающий зал ресторана с огромными шведскими столами посередине.

— А!..— кивнула на столы головой Дианка.— Не завтрак, а карнавал в Рио-де-Жанейро.

Но Яне эти столы больше напомнили огромные картины в стиле Джексона Поллока. Чего здесь только не было!.. Сырные, колбасные и овощные нарезки, бутербро-

ды канане, от которых рябило в глазах! Омлет с зеленью, запеканка с изюмом, паровые куриные котлеты и франкфуртские колбаски, источавшие такой аромат, что у Янки закружилась голова. Как же можно из этого что-то выбрать? Если бы ей показали такое в интернате, она бы точно упала в обморок.

Яна повернулась к другому столу со всевозможными выпечками и блинами, джемами и медом, кремами и взбитыми сливками...

— Налетаем, — подошла к ней Дианка с подносами. — Впереди большой день. Надо подкрепиться.

— Ты что-то еще задумала. Вижу это по твоим глазам, — повернулась к ней Яна. — Мне кажется, нам стоило бы уже возвращаться домой. Давай, выкладывай, что у тебя на уме.

— Янка, не буду скрывать, есть одна потрясающая мысль. Но я ее еще обдумываю.

— Может, ты и со мной поделишься?

— Именно это я и собиралась сделать за завтраком. Давай, Янка, набирай все, что тебе нравится. А что будем пить? Кофе, какао, чай с лимоном, соки? О, Боже!.. Я беру эти эклеры...

Они выбрали столик у самого окна. За большим стеклом, в нескольких метрах от них, еловый лес уходил вниз по крутому склону, отчего казалось, что они на высокой горе. А что же там внизу? — думала Яна. Хорошо бы спуститься и посмотреть, но куда уж мне... Тут, до номера бы добраться. А ведь еще какой путь назад!.. Эх, Дианка! Она совсем не понимает мое состояние и, главное, мои возможности. И с нервами это точно как-то связано. Вот, подумала сейчас об обратном пути и тут же почувствовала, как ослабли ноги. Дианка не может понять, потому что не чувствует этого.

— Ну, как тебе тут? — спросила ее через стол Диана. — Ты ешь, набирайся сил. Может, еще что-нибудь взять?

— Да ты что! У нас весь стол заставлен... Но, давай, рассказывай, что ты придумала.

— Вон! — показала Диана в глубину зала. — Вон он!..

— Кто? — не поняла Яна.

— Фолкнер. Посмотри!..

— Вроде, похож.

— Сходство невероятное! Эх, телефон в номере остался. Как же это я так!.. Вот бы наши удивились.

— Да, похож, Прямо как на снимке в твоем собрании сочинений, — сказала Яна, пробуя куриную котлетку. — Ой, как вкусно!

— Удивительное это дело — гениальность. Два человека с одной и той же внешностью, но один нобелевский лауреат, а второй...

— Но, может, этот метрдотель очень даже хороший человек. И для кого-то он дороже всех нобелевских лауреатов.

— Это так... У каждого свой путь. И потом ты знаешь, я заметила, что очень часто гении это люди, у которых вся жизненная энергия, весь их потенциал сосредоточены в какой-то одной точке. Я, конечно, не имею в виду людей эпохи Возрождения. Стоит такому человеку выйти из круга своих интересов, стоит ему столкнуться с другой областью жизни, и он оказывается совершенно беспомощным. Я не говорю о Фолкнере. О нем я мало что знаю. Но все эти гениальные физики с взерошенными волосами, математики, не видящие ничего, кроме доски и мела, поэты, чувствующие только свой пульс, ритм, дыхание и полностью сосредоточенные на своих чувствах... Ты не представляешь, сколько среди этих людей откровенных идиотов.

— Это все интересно, но ты говоришь не о том, о чем я тебя спросила. Диана, что ты задумала? — вытирая губы салфеткой, спросила Яна.

— Я ничего специально не задумывала. Я собиралась сегодня спокойно погулять, показать тебе реку, она, кстати, там, внизу, за деревьями. И после этого думала возвращаться домой... И тут... Янка, это судьба!..

— У меня что-то уже аппетит пропадать начал. Говори скорее...

— Янка, тебя ждет такое, что ты не забудешь за всю свою жизнь!

— Рассказывай, что меня ждет.

— Короче... Мы не поедem домой...

Дианка эффектно замолчала, явно ожидая вопроса от Яны, но та тоже выдержала не менее эффектную паузу и безразлично заметила:

— А я уж думала, что что-то серьезное.

Диана улыбнулась.

— Мы не поедem домой, а поплывем.

— Я не умею плавать.

— Сейчас все расскажу. Помнишь... бери лимончик... я рассказывала тебе про человека, с которым играла в пинг-понг? Его зовут Михаил. Он здесь с сыном Денисом. Вообще, их тут целая компания и они собирались плыть по реке на катамаранах...

— Но при чем здесь... мы?

— Его друзья, которые с ними должны были плыть, по какой-то причине срочно возвращаются в Ригу. Я рассказала ему, что мы с тобой путешествуем, и он предложил нам плыть с ними. Он обещал сыну это путешествие и не хочет менять планы. Понимаешь, Янка, мы будем плыть на катамаране! И, между прочим, в сторону дома. Фактически, мы будем возвращаться домой.

— На катамаране?

— Да. По красивейшей реке!

Яна задумалась, глядя в окно, взяла стакан сока и чуть отпила.

— Что ты на это скажешь?.. Это же потрясающе! Когда еще нам представится такая возможность! Я все продумала. Пльвем весь день, ночуем у реки, и завтра нас высаживают в местечке, где шоссе подходит к реке. А Женька с Ником приедут за нами на машине. Перед этим заедут сюда и заберут коляску. Ну? Все продумано. Что скажешь?

— Знаешь, Дианка, есть все признаки того, что ты тоже гений.

— Ой, Янка,— захохотала Диана.— Мне нравится, как ты шутишь.

— Но, я не думаю, что мне доставит удовольствие плыть на катамаране. Я даже не совсем представляю, что это такое.

— У них все очень серьезно. У тебя будет спасательный жилет. И даже специальная каска.

— Зачем каска? Там что-то будет падать сверху?

— Там будут пороги.

— Понимаю. Это чтобы я не ударилась головой, когда полечу в воду. Ребята, вы такие заботливые!

— Никто никуда не полетит. Я тебе говорю, там все серьезно. Экипировка, как полагается. Янка, если мы не воспользуемся этой возможностью, то у нас никогда в жизни не будет такого приключения. Мы упустим свой шанс, как я сегодня с теми скандинавами...

Яна вздохнула и посмотрела на Диану. Прямо за ней — окно, а за ним, словно в зачарованном полусне, замерли вековые ели с раскинутыми в стороны тяжелыми ветвями. Яна смотрела на стволы, на ветви, похожие на хвосты хищных зверей, и вдруг поняла главное об этом лесе и, как всегда, все самое главное, оказалось очень простым. Главное заключалось в том, что этот лес — настоящий!.. Абсолютно все — деревья, лесные звуки и воздух, насыщенный ароматом смолы и хвои, все это не

фантазии и грезы. Нет, лес стоит перед ней, приближается к ней, притягивает к себе, и нет никаких сил противиться приближению чего-то более реального, чем она сама. Да, она себя ощущала менее реальной, чем этот лес. Диана как-то сказала, что человек — это то, о чем он думает. И все? Неужели это и есть весь человек? Нет, здесь она ошибается. Человек — это то, что он чувствует.

В какой-то момент ей было страшно, уж очень все, что с ней происходит, не похоже на ее прежнюю жизнь. Но теперь, когда она смотрела на поникшие ветви, страх пропал. Она подчинилась неизбежному. Как только это произошло, в ней тут же ожило любопытство — что же будет дальше?

Диана с легкой улыбкой поглядывала на нее, побалтывая на донышке стакана остатками сока.

— А как мы попадем на реку? Она же далеко внизу.

Диана перестала улыбаться и спокойно сказала.

— Михаил подвезет нас на машине. К реке ведет дорога. Он дал мне номер своего телефона. Так что нам надо решать. Они сейчас на реке собирают катамаран, готовят... Плывет он и его сын. Ну, и мы с тобой. Его жена тоже встретит с машиной, но дальше того места, где он высадит нас. Нам надо ответить, плывем мы или нет.

— Знаешь, Диана, Жене очень не понравится эта затея. Ты же знаешь, у него есть свои воспоминания из прошлого. Думаешь, он забыл Кристину? Ему это очень не понравится.

— Я поговорю с ним. Мы не будем врать. Впрочем, их ничто не удивит. Зная меня, их бы удивило, если бы мы тихо и спокойно вернулись домой.

— Попробуй поговорить, — согласилась Яна.

Дианка вскочила, и ничего не объясняя, выбежала из зала. Вернулась минут через пять с телефоном в руке.

— Я звоню.

Она набрала номер.

— Михаил, — сказала она в трубку, — мы плывем с вами. Может, нужно купить что-нибудь из продуктов?.. Ну, грести, это само собой. Это я вам устрою сколько угодно... Хорошо, тогда через час мы будем внизу.

Диана отбила звонок, губы ее улыбаются, на щеках обозначились забавные ямочки. Она не может сдерживать радости. Сейчас она похожа на те снимки, что присылала Яне в интернат. Глядя на нее, Яна сама еле сдерживает улыбку, до того от Дианки веет детским довольством от предвкушения нового приключения.

— А ты умеешь грести? — спросила ее Яна, вставая.

— Умею. Но только листья и снег. Грести веслом я быстро научусь... Давай, будем собираться. Нам много времени для этого не надо.

— А коляска?

— Договорюсь — и они ее до завтра подержат... Ну, Янка, — Диана взяла ее за руку, — ты сама увидишь, как это будет здорово!..

Яна сидит на берегу, покусывая травинку, и раздумывает — неужели на этой металлической конструкции, между двумя бананообразными баллонами, я сейчас поплыву?.. Всюду на берегу суета — люди, сумки, рюкзаки, собранные катамараны лежат на песке у воды. Время от времени отплывают новые группы. Сопровождаемые напутствиями и аплодисментами, они проплывают мимо тех, кто остался на берегу, набирают скорость, так как течение довольно быстрое, и скрываются за поворотом реки.

Скаты обеих берегов поросли высокими елями, и поворот реки, из-за которого бьют лучи солнца, кажется Яне вратами во что-то сказочное. Она не была еще в та-

ких лесах и не плавала по таким рекам. Плеск воды, слепящее глаза солнце, голоса людей вокруг нее, от всего этого кружится голова.

Михаил, крепкий, коренастый мужчина лет тридцати пяти, быстро довез их на машине; часть спуска, к самой реке, пронес Яну на руках. Катамаран собран, все готово к отплытию. Его сын Денис сидит неподалеку от Яны, на покато травянистом берегу. Жена Михаила латышка, и Денис говорит по-русски очень забавно.

— Мищя-я-я! Мищя-я-я! — зовет он отца из катамарана. — Пора-а-а...

— Теперь видно, кто ему сказки на ночь читал, — усмехается Диана. — Похоже, что мама.

— Особо ему сказки и не читал. Все больше жена. Приходится много работать. Бывает, что месяцами меня дома нет. Наконец, вот, выбрались с сыном.

— Вы моряк? — поинтересовалась Диана.

— Грузовые перевозки.

— Если у меня когда-нибудь будет ребенок, — мечтательно сказала Диана, — он без сказки засыпать не будет.

— А мой, — усмехнулся Михаил, — не засыпал без ремня... Шучу...

Он засмеялся, посверкивая карими глазами.

— Ми-и-ища-а-а! — снова донеслось от катамарана.

Денис машет руками. Ему лет четырнадцать, но весь в отца — крепкий парень.

— Ну, девочки, — поднялся Михаил, — условие такое — на реке слушаться меня. На берегу — как хотите, а на реке все должно быть четко. Договорились?

Как только Яна, не без помощи Дианы, устроилась в катамаране, ей снова стало страшно. Вода несется мимо нее, вздувается буграми. Ей кажется, что она вот—вот подхватит лежащий носом в воде катамаран, и их, кружа, понесет вперед без Михаила. Но тот быстро вернулся, проверил крепления спасательного жилета на Яне, и устроил ее место поудобнее. Это оказалось кстати, так как какая-то железка упиралась в бок.

— Можешь держаться за эти поручни, — показал ей Миша. — Ногами вот тут упрись. На поворотах держись. Мобильные телефоны давайте сюда, положим в водонепроницаемый пакет. Потом не забудьте их... Ну, вроде все.

— Янка, как ты там? — обернулась к ней Диана.

В руках у нее весло. Куртку она скинула, сидит в майке, и только сейчас Яна заметила, какие крепкие у нее руки. Денис сидит впереди, они будут грести с левого борта, а Михаил с правого. Яна сидит в самом конце катамарана. Она взялась руками за поручни, уперлась ногами, чувствует слабость в коленях и старается изо всех сил напрячь мышцы. Закрыла глаза, а когда открыла, увидела, что берег стремительно уходит назад. Шум воды стал громче, пенные струи заливают резиновые гондолы по обеим сторонам катамарана.

Яна смотрит на Диану, быстро орудующую веслом, на надвигающийся на них еловый мыс, за которым виден крутой поворот реки. Центробежная сила, при повороте, выносит их к противоположному берегу, но все быстро гребут, разворачивая катамаран, и вот они за поворотом...

Река широко разлилась, берега раздвинулись. Высокие стены елового леса высятся над ними с двух сторон. В этой лесной чаще эхом разносится птичье пение.

Диана оглянулась. На ее лице довольное выражение, которое Яна заметила в ресторане. Диана быстро поняла, что от нее требуется. Вперед их несет река, а задача гребцов — направлять движение катамарана между препятствиями. Михаил, на ходу, быстро объясняет Диане, когда нужно грести, а когда, наоборот, притормаживать, чтобы направить катамаран в нужном направлении.

— Завтра будут пороги, — говорит он Диане. — Не очень большие. Но надо будет проходить между камнями. Сегодня можем потренироваться. Видишь вон те две коряги? — показывает рукой вперед. — Направляем катамаран между ними.

Яна, из-за спины Дианы, пробует разглядеть коряги, но не видит их среди пенистой ряби.

— Гребем сильнее, надо чуть разогнаться,— командует Михаил.— Так, отлично... А теперь, чуть притормаживай... Отлично!..

И катамаран быстро пронесется между стволами двух деревьев, застрявших ветвями в подводных камнях.

— Отлично,— оглядывается на Диану Михаил.

Яне приятно, что Дианка так хорошо справляется. Ее крепкие руки работают изо всех сил. Какая она сильная! — думает Яна и следом за этим, непонятно почему, подумала — а ведь, если Дианка обнимет, то не вырвешься!.. И улыбнулась чему-то еще, что подумала после этого.

Поверхность воды стала гладкой и движение неспешным.

— Здесь глубина уже большая,— сказала Михаил Денису.— Если рыбу наловим, можно будет вечером уху сварить.

— А что тут за рыба? — посмотрел на него Денис.

— Посмотрим, что здесь ловится... Как там наша Яна? Все нормально?

— Все хорошо. Мне очень нравится... Диана, ты классно гребешь!

— Не хвали ее, а то зазнается и расслабится,— смеется Михаил.— Мы еще потренируемся.

— Какая здесь красота! — произнесла Диана, перестав грести.

Чувствовалось, что с непривычки она все же устала. Сидящий впереди нее Денис это тоже почувствовал.

— Ты знаешь,— сказал он, чуть полуобернувшись к Диане,— когда я в первый раз поплыл с папой, то через полчаса уже устал. А потом усталость прошла. Ты как заведенный становишься. Мы после этого целых два дня плыли...

— Да-да, так и было. Так что, Диана, усталость скоро пройдет. Ты, кстати, можешь отдохнуть. Тут сейчас ровное течение. Мы с Денисом и вдвоем управимся.

Диана пробралась назад к Яне.

— Фу-ф!.. Как ты тут? — устроилась она, полулежа, под бочком у Яны.

— Мне очень нравится! — сказала Яна, обнимая ее за плечо.— Наверное, жилия тут никакого нет. Как думаешь?

— Выглядит диковато.

Лес по бокам становился все более замшелым, свет едва пробивался сквозь ветви, и сумрак между стволами становился все более густым.

— Такой лес, наверное, и называется — дремучим,— произнесла Яна.

— Здорово было бы побродить там. Жаль, что грибы еще рано собирать... Слушай, Диана, может, стоит еще раз нашим позвонить? А то будут волноваться.

— Не думаю, что здесь есть зона? Давай попробую.

Диана достала телефон из пакета и набрала номер. Отбила и набрала снова.

— Нет зоны,— сказала она.— Представляешь, в какие дубри мы заплыли!

— Что сейчас чувствует Женя...— покачала головой Яна.

— Не переживай. Как только будет связь, позвоним.

— До завтра вряд ли это получится,— заметил Михаил не оборачиваясь. Здесь вышек нет. Вон там,— он показал на берега реки — никто и не живет.

— Папа, а помнишь, мы тут видели лосей и кабанов? — вспомнил Денис, тоже доставая из сумки телефон.

— Денис, мы по этой реке еще не плавали. То было в другом месте. Но звери тут есть... Вполне возможно, и кабаны здесь водятся.

— А знаете, что было со мной на одной реке,— повернулся Денис к Яне с Дианой.— Такая же была река... Очень похожая на эту. Мы заплыли в одну протоку и

выбрались на берег. Папа стал рыбу ловить, а я пошел в лес и увидел в лесу огромную яму, полную воды. Я сбежал за удочкой и забросил ее в яму. И вдруг у меня плавок ушел под воду!..

Денис оглядел всех в ожидании восторга и удивления.

— Кто же это там был? — спросила Диана.

— Не знаю. Папа пришел и сказал, что надо плыть дальше. Папа, почему ты не дал мне поймать эту штуку в яме?

— Денис, надо было место для ночлега искать.

— Я так и не узнал, что это было.

— Это и хорошо, — сказал Михаил. — Зато ты запомнил это. Тайна, вот самое главное. В жизни должна быть тайна.

— Лучше бы я узнал, чем тайна какая-то.

— Ну, поймал бы ты лягушку или тритона. И что? Разве это было бы интересно?

— Мне было бы интересно.

— А Михаил прав, — шепнула Диана Яне на ухо. — Потом расскажу тебе что-то.

— Расскажи сейчас.

— Нет, когда вдвоем будем... Янка, смотри! — Диана показала в сторону берега.

Яна посмотрела в том направлении, куда показывала Диана. То, что она увидела, поразило.

Берег в этом месте был такой крутой, что оплетенная корнями почва казалась срезанной у самой воды. Между стволами елей, ярко озаренными солнцем, Яна увидела маленькую лавочку, грубо сколоченную из посеревших от времени, потрескавшихся досок.

Катамаран неспешно проплыл мимо нее. Никто не греб, все смотрели на лавочку под ветвями деревьев в полном молчании.

— Вот тебе еще одна тайна, — кивнул головой на лавочку Михаил.

— Лавка ведьмы, — прошептал Денис. — Она сидит на ней по ночам.

— А может, туристы здесь останавливаются, — предположила Диана.

Михаил покачал головой.

— Лодку на берег не затащить, для палатки места нет. И костер разводить в зарослях опасно. Нет, плохое место для стоянки.

Они проводили лавочку глазами, пока она не скрылась за новым поворотом реки. Тогда Яна, словно вернулась к реальности, снова стала слышать плеск воды и откинулась спиной на мягкий рюкзак, видимо, с одеждой.

Диана села на свое место и взяла весло.

— Потренируемся? — оглянулся на нее Михаил.

— Давайте.

— Видишь, камни впереди. Слева и справа... Между ними пройдем. Денис, видишь их?..

Яна смотрит на проплывающие мимо нее с двух сторон вершины елей, устремленные в голубую высь с замершими в ее глубине белыми облаками. Катамаран, набирая скорость, слегка покачивается на воде, с легким плеском скользит по ней. Яна закрыла глаза. Кажется, что вода журчит у самого уха. Несколько капель брызнули на ее щеку и волосы у виска.

Она слышит голос Дианы, смех Дениса, и чувствует легкое покачивание, тепло солнечного света.

— Яна, смотри, сейчас будем проходить между камнями, — кричит ей Диана.

Яна приподнимается, голова чуть кружится от солнечного припека. Катамаран быстро летит среди всплесков воды, перекатовавшейся через гладкие камни. Опустив руку в воду, Яна коснулась гладкого, скользкого камня.

Катамаран вдруг дернулся, накренился и, сделав пол-оборота с неприятным скрипом резины, трущейся по камням, остановился на середине реки.

Яна схватилась за мокрые, железные поручни. Вода шумит вокруг них, поток бьет в гондолу, в которой она сидит. Тонкая водяная пыль обдаёт лицо.

— Все нормально, девочки,— спокойно говорит Михаил.— Денис, вылезай слева. Подтолкни. Очень скользко. Держись!..

Сам Михаил, осторожно ступая на камни, вылезает из катамарана с другой стороны.

— Разворачиваем,— командует Михаил.

Они разворачивают катамаран, и его, действительно, сразу же сносит течением с камней. Михаил с Денисом ловко заскакивают на гондолы и, быстро заняв свои места, усиленно гребут веслами, не давая катамарану снова развернуться боком. По слабости действий чувствовалось, что такое с ними уже бывало. Диана тоже изо всех сил помогает грести. Наконец, движение катамарана выровнялось, и он снова понесся вперед, между еще более сужившимися стенами сумрачного леса. Он стал еще более диким. В темноте, за семью от потеков смолы стволами, видны завалы поваленных бурями деревьев. По обеим сторонам черные земляные взрывы вздыбившихся вверх корней, поросший мхом берег, заросли высокого папоротника.

— Ну, как вы? — оборачивается Михаил.

— Страшненько было,— говорит Диана.

— И не такое бывало!.. Но лучше, конечно, не застревать на камнях. Можно и резину порезать.

— Наверное, я где-то зевнула,— сказала Диана.

— Нет, ты все делала правильно. Надо было эти камни обходить. Но, ничего. Может, стоит к берегу пристать? Как, насчет отдохнуть перекусить?

— Я бы не прочь к бережку подрулить,— согласилась Диана.— Уж больно я соком напузырилась.

— Я тоже напузырился,— ухмыльнулся Денис.

— Здесь очень крутые берега. Давайте вон за тем поворотом посмотрим. Диана, сейчас соберись... Течение там быстрое, вон, река как сузилась. Держимся левого берега... Нет!.. Там камни! — кричит Михаил.

Почувяв что-то неладное, Яна вглядывается вперед. Река делает резкий поворот влево, течение очень быстрое и видно, что Михаила что-то беспокоит.

— Слева нельзя, там камни,— кричит он.— Идем по середине. Диана, Денис, нельзя, чтобы нас вынесло к правому берегу... Притормаживайте!..

Течение реки быстро вынесло катамаран к повороту. Камней было уже много и Диана понимает, что должна делать,— в момент поворота надо притормозить со своего края и, как только катамаран развернется, грести изо всех сил, чтобы их не занесло.

Слепящий глаза блеск солнца среди пенистых всплесков, шум воды, удары весел, голос Михаила... Яна, крепко держась за поручни, увидела, что их катамаран несет к правому берегу, к той его части, что была скрыта за поворотом. И тут они увидели то, что было скрыто до сей поры,— упавшее на правом берегу дерево. Острые ветви направлены в сторону катамарана, и дерево несло прямо на них.

Яна не успела испугаться, до того быстро все произошло. Хлопок, еще один хлопок, резкий скрежет царапающейся резины. Михаил с Денисом хватаются руками за ветви, отталкивают их от себя. Острая, гибкая ветвь чуть не столкнула Диану, но та успела отбить ее рукой и закричала Яне: «Пригнись!»

Течение подхватило катамаран и он, с креном на один бок, понесся дальше по реке.

— Гребем туда! — показывает рукой Михаил.

— Нас, кажется, проколело! — кричит Диана.

— Яна, с тобой все хорошо? — оборачивается Михаил.— Девчонки, вы целы?

— Да... Да...— только и может выговорить Яна.— Она чувствует, что все тело ее дрожит, и тут только вспоминает ту ветвь, что прошла так близко от лица.

— Все нормально,— чуть спокойнее говорит Михаил.— Давайте вон туда, к песчаному берегу.

Как только проколота и потерявшая упругость гондола зашуршала по песку, Диана соскочила на берег и тут же погрузилась в песок по колена.

— Блин! — закричала она.— Да тут!.. Тут... Зыбучий песок!..

Михаил с Денисом подхватили Диану подмышки и вытянули из песка.

— Фу-у-ф! Кроссовки, кажется, на мне,— тяжело отдуваясь, сказала Диана.

— Высадимся дальше,— показывает вперед Михаил.— Я первый выйду. Берег травянистый, но кто его знает.

— Янка, там реально зыбучий песок,— говорит потрясенная Диана, снова взяв весло и начав грести.— Зыбучий!.. Точно как в «Лунном камне». Бли-и-ин! Вот расскажу Нику с Женькой. Не поверят, ни за что...

— Лучше не рассказывай,— посоветовала Яна.

С резким креном катамаран вошел в тихую заводь. Михаил с Денисом вытащили его на берег. Яне странно было стоять на твердой земле. Ее чуть качало из стороны в сторону. Диана заметила это и взяла под руку. Солнце припекает зеленый травянистый берег, над дном мелководья песчаной заводи носятся юркие мальки. Лес, на противоположном берегу, отражается в воде, как в зеркале, а когда дует теплый ветер, отражение рассекается, словно ложатся на воду небесно-голубые полосы тончайшего шелка и тут же пропадают. Тишина и покой царят в этой заводи.

— Как здесь хорошо! — воскликнула Яна.— Так хорошо, что я могла бы и не уходить отсюда всю свою жизнь. И вообще, я вам скажу,— на земле как-то надежнее.

— Ну, не скажи,— заметила Диана, взглянув на свои залепленные песчаной жижей джинсы.— На земле тоже надо держать ухо востро.

— Мы вечером найдем такое же место. А здесь отдохнем и перекусим. Но сначала, Денис, заклеим проколы. Кажется, их было два. Будем искать... А вы далеко в лес не уходите. Тут может быть топко.

— Э-гей!.. Здесь можно купаться! — воскликнул Денис и, зачерпнув воду ладонями, подбросил искрящиеся брызги вверх. Они распались над ним водяной пылью, а эхо его голоса, отраженное лесом на другом берегу, разнеслось далеко-далеко и затихло вдали.

Через час, выкупавшись в реке, они расположились на траве, на солнышке. На заклеенной гондоле катамарана сушились Дианкины джинсы. Закутанная в плед, она разрезала жареную курицу, которую Михаил достал из сумки, сыр, помидоры и огурцы. Денис притащил бутылку кваса. Он хранил ее в специальном местечке под катамараном, и квас сохранял прохладу реки.

— Пряма, неудобно,— сказала Дианка.— Вы тут такой пир затеяли.

— Все нормально, девочки! — улыбнулся Михаил.— Чудесный день, лето, солнце! Зимой будет что вспомнить. Жизнь — она такая короткая, я вам скажу, что не успеваешь осознать, до чего же она хороша. Давайте, чокнемся квасом за нашу встречу! Если бы не ты, Диана, если бы не твои усилия, там, на тех ветвях, все могло бы оказаться гораздо серьезнее. Ты молодец, не растерялась. И Яна не подвела. Мужественно держалась.

— Руками я, точно, держалась. А про «мужественно», не знаю,— засмеялась Яна.

— Молодцы!.. В следующий раз поплывете, будете уже знать, что к чему.

— Надеюсь, не попадем больше в передраги,— заметила Дианка, входя в роль бывалого путешественника.

— Знаешь, Диана, как говорили восточные мудрецы? — спросил Михаил.

— Они много чего говорили. Разве все упомнишь.

— Они говорили, что человек, не совершивший ошибку, подобен ученику, прогулявшему урок. Так что все передрыги полезны. Это опыт. На поворотах надо быть особо внимательными.

— Те же самые восточные мудрецы говорили, что если человек совершил ошибку дважды, то он обязательно совершит ее и в третий раз.

— Не дай Бог! Диана, с тобой надо пить не квас, а что-нибудь покрепче, — заметил Михаил.

— Знаю, — сказала Диана. — Мне говорили, что я отличный парень.

— Хорошо, что ты с нами, — улыбнулся Михаил. — Ну, а чем вы по жизни занимаетесь, девочки?

— Яна художница. Причем, отличная! Она сейчас в Англии живет. Но это временно, пока у мужа там работа.

— А ты, Диана? — прищурился Михаил. — Не могу представить, чем ты занимаешься.

— Что, непохожа на человека, который чем-то сильно занят? Но это на первый взгляд. Пока присматриваюсь, в каком, лишенном всякого смысла предприятии, мне стоит поучаствовать. Ну, и как бы, между прочим, стараюсь стать писателем.

— И ты что-нибудь уже написала?

— Одну книгу написала. Но это так — начало. Вторая книга будет лучше. Хотелось бы вздыбить мировую литературу. Взболтнуть ее, а то немного она ряской потянулась.

— С какими людьми я здесь сижу! Яна, неужели она не шутит?

— Она прекрасно пишет. И, действительно, написала книгу.

— А как называется твоя книга?

— «Люболь».

— Э... Не понял.

— Ну, это «любовь», только одна буква заменена. Любовь, как боль...

— О любви, значит, книга.

— Не совсем.

— О чем же?

— Ну, если так — коротко... Представьте себе самого дремучего дикаря в каком-нибудь дичайшем уголке мира и, допустим, что он о цивилизации не имеет никакого представления. Мы даем ему в руки книгу. Он открывает ее, что видит?

— Видит что-то непонятное.

— Да. Он не знает, что это за предмет и для чего он нужен. Открывая книгу, он видит черточки, закорючки, точки, подобные следам зверей. Какие-то знаки, например *G*, напоминает ему его бумеранг, а *T*, напоминает топорик, которым он бошки раскалывает. Что напоминает ему *O*, я умолкну, слишком интимно...

— Дианку надо притормаживать, — смеясь вместе с Михаилом, сказала Яна.

— Продолжаю... Дети, закройте уши... Итак, он видит закорючки, что-то ему напоминающие, но он не догадывается, что это текст, и он несет послание. В нем заключена информация. Так вот, мы, подобно тому дикарю, не догадываемся, что нас окружает Великая Книга. Все, что мы видим, слышим, ощущаем, чувствуем — все это знаки. Деревья, облака, звезды, животные, растения и все остальное, включая нас самих, все это знаки Текста Бытия. Для того, чтобы читать книгу, нам надо учиться чтению по букварю. Точно так же и моя первая книга, и последующие, будут такими букварями, по которым, в первую очередь я сама, в процессе писания, пытаюсь, хоть немножко, перестать быть дикарем и начать осознать Знаки Бытия, постигать их смысл и значение.

— Как интересно! — покачал головой Михаил. — Да... Замах у тебя грандиозный!.. А вот, любопытно, как ты собираешься вздыбить и взболтнуть мировую литературу?

— Здесь работы непочатый край. Все не так... Взять хотя бы... Хм!.. Даже не знаю, с чего начать.

— Все равно с чего.

— Хорошо, возьмем фантастику. Меня с детства интересует вопрос. В художественной литературе есть великие писатели — Шекспир, Бальзак, Толстой, Достоевский и пр. В жанре фантастики тоже есть выдающиеся писатели. Тут и Жюль Верн, и Герберт Уэллс, Саймак, Шекли, Азимов, Кларк и прочие. И теперь вопрос — почему выдающиеся писатели-фантасты уступают в художественной силе мастерам художественной прозы?

— Разве уступают?

— А вы не заметили? Не поверю, если мне кто-нибудь скажет, будто есть писатели-фантасты, которых по художественному уровню можно поставить рядом с Шекспиром, Сервантесом, Гоголем, Маркесом, Флобером или Фолкнером, Толстым и Достоевским. Где что-нибудь подобное — «быть или не быть!», произнесенное на какой-нибудь космической станции или безлюдной планете? Где Хемингуэвское «прощай оружие» по окончании межгалактической бойни? Или, люди в будущем, попав в космос или на другую планету, перестанут быть людьми? У них не будет ни великих мыслей, ни страстей? Так почему же нет фантастического романа, впрочем, и детективного тоже, который можно было бы поставить в один ряд с «Преступлением и наказанием»? А ведь роман этот, в сущности, детектив и даже триллер. Достоевский показал направление. Но так и остался один на этом пути, потому что нет ему равных в фантастике...

— Я думаю, в фантастике другие задачи ставятся. Писатели пытаются заглянуть в будущее. Хотят увидеть...

— Нет, нет и нет! В будущем как раз самое интересное и есть — человек, а не гиперскачки через вселенную.

— Слушаю тебя, и, вроде, как ты права. Но мне нравится фантастика такая, какая она есть. Я много в свое время перечитал.

— А мне не нравится. Такое чувство, что над писателями-фантастами нависает какой-то потолок. Они доходят до него и упираются головой. Только один человек, я считаю, может считаться исключением — Рэй Бредбери. Его книги — грандиозная проза! Вот, я считаю, правильное направление. Его «Вино из одуванчиков» я читаю с таким же удовольствием, как и «Степь» Чехова. И та, и другая книга — гимн человеческому бытию... Вот какие мысли меня одолевают...

— Да-а-а! — задумался Михаил, покачивая головой. — С тобой трудно не согласиться.

— Нужен переворот в жанре фантастики, — заявила Дианка и, с хрустом откусила огурец. — И я знаю, в каком направлении надо двигаться.

— Давай ты нам это вечером на привале расскажешь. С удовольствием тебя послушаем. А теперь надо собираться в путь... Ох, Диана!.. Ну, ты дала!.. Подумать только, о чем некоторые люди размышляют!..

Катамаран скользит по реке. Предвечернее солнце заливает все вокруг мягким, золотистым светом. Яна положила руку на гондолу и чувствует приятное тепло нагретой солнцем резины и легкую дрожь. Мелкие волны хлопают по гондолам, обдают их клочками быстро тающей на солнце пены. Яна удобно устроилась среди мягких рюкзаков. Она смотрит на спину Дианы, на ее крепкие руки, ловко орудующие веслом, на золотистые искорки солнечного света на воде и, вдруг, словно пробудив-

писью от сна, почувствовала резкое чувство счастья. Ее иногда охватывали такие состояния, когда казалось, что лучше этого мига не может быть ничего. Ей казалось в такие мгновения, что она в ином мире, и в этом мире она дома. Она узнает это чувство покоя и счастья. Она знала его еще до рождения и теперь вновь испытала. Такие мгновения были чудесны... Но, поскольку произойти такое могло где угодно — и в очереди в магазине, на улице, среди прохожих, она, однажды, поняла, что все мгновения жизни достойны того, чтобы, подобно Фаусту, воскликнуть — «остановись мгновение, ты прекрасно!» Только не всегда мы это чувствуем и осознаем, а только в какие-то редкие моменты, когда попадаем в единый резонанс с существованием.

Однажды и Диана ей сказала: «Знаешь, что чувствует каждый человек перед смертью? Сначала он, пораженный, думает,— и это все!? А потом осознает, что каждый миг его жизни был счастьем. И эти мгновения проносятся перед его взором.

Яна глубоко вдохнула чистый лесной воздух и почувствовала, что ощущение счастья пропало так же внезапно, как и появилось. Что это было? — думала она потом. Как вернуть это невероятное чувство?

Дианка подкралась к ней тихо, имитируя кошку, мурлыкнула, потерлась щекой о ее локоть и легла рядом.

— Пришла к тебе отдохнуть. Не скучаешь?.. Меня освободили от вахты,— сообщила она.— А воздух какой! А!.. Он пахнет летом. Жаль, что его нельзя законсервировать в трехлитровой банке и открывать зимой. Он такой густой, так пахнет лесом и рекой, что его можно резать ножом, мазать на хлеб.

— Ты отдохни,— погладила ее Яна по плечу.— Ты устала. Жаль, что не могу помочь тебе.

— Денис был прав. Я усталости не чувствую. Тело, как автомат, руки уже сами гребут. Сейчас полежу с тобой и снова на вахту. Такова наша моряцкая судьбинushка. Надо отрабатывать кусок хлеба.

Солнце скрылось за деревьями, перестали петь птицы, и стало прохладнее. Время от времени из леса доносились голоса, виднелись палатки и лежащий на берегу катамаран. Михаил предложил поискать место для лагеря. Но они проплыли еще около часа, пока не увидели место, которое им понравилось.

Огромная ель склонилась над водой так низко, что они проплыли под ней, раздвигая свисающие вниз ветви, и заметили, слева по течению, маленькую полянку на самом берегу. Впереди, у поворота реки, стены леса смыкались, отчего возникало ощущение замкнутого пространства. Покой, неподвижность и настороженная тишина царили здесь. Пахло мхом, грибами и сыроватым духом вывороченной корнями деревьев земли. Что-то хрустнуло на противоположном берегу. Берег близко, метрах в двадцати. Яна взгляделась в глубину леса и среди, едва виднеющихся в сумерках, завалов деревьев, ей почудилось движение какой-то косматой тени.

Плеск весел эхом разнесся над водой, зашуршал песок под днищем катамарана и он остановился, уткнувшись в берег.

— Вот здесь мы и остановимся,— сказал Михаил.— Хорошее место.

— Михаил лаконичен и деловит,— заметила Диана.— А по мне, это место не просто хорошее, а замечательное! Здорово было бы пожить здесь несколько дней! Или месяц... Или всю жизнь. А, Янка?.. Как насчет того, чтобы построить здесь избушку, писать книги и рисовать?..

— А на что бы вы жили? — усмехнулся Михаил.— В первую же зиму бы сбежали отсюда.

— Как на что? Моя тайга ходить. Белка бить. Мех дорого продавать.

— Эх, ты... Тайга,— покачал Михаил головой.— Давайте, вытаскиваем вещи, ставим палатку.

— Мне нравится здесь, Диана,— приближала ее Яна.

— Вот!.. А еще «гением» на меня ругалась. Я же знала, что тебе понравится.

Пылает костер, высвечивая край желтой палатки, поблескивают в темноте металлические крепления катамарана на песчаной кромке берега. Михаил устроил в нем удобное место для ночлега с надувными подушками и спальными мешками.

— Вот, девочки, думаю, здесь вы классно устроитесь. Сейчас я еще тент сверху растяну. Не замерзнете... А мы с Денисом рядом, в палатке.

Над костром кипит в котле вода, Денис сыпет в нее какую-то крупу. Михаил открыл две банки тушенки, нарезал огурцы, сыр...

— Посмотрите,— показывает им Михаил большую охапку трав.— Иван-чай. Там, дальше, вдоль берега растет. Сегодня лесной чаек попьем.

— Мы так и не порыбачили,— огорченно произнес Денис.

— На ночь донки поставим. Будет у нас на утро рыба на углях. Чем не жизнь, девочки!?!..

— И часто вы так путешествуете? — спросила Яна.

— Могли бы и почаще, если бы не моя работа. Но стараемся выбирать. Сыну тоже нравится на природе.

— Когда у меня будет сын, я его тоже всему научу,— сказал Денис и подбросил валежника в костер.

— Так оно и получается,— кивнул головой Михаил.— Меня ведь, тоже, отец приохотил к путешествиям.

В глубине леса прокричала ночная птица, и снова стало тихо.

Каша с тушенкой показалась Яне необычайно вкусной. Но это, наверное, оттого, что потрескивают сучья в костре, изредка слышны тихие всплески и горят над ними летние звезды.

— Берите, девочки, сыр. Очень вкусный, домашний,— предложил Михаил, подвигая им тарелку со светлеющими в темноте кусками.— Да, кстати, Диана!.. Ты начала рассказывать, какой должна быть фантастика. Расскажи. Самое время...

— Не хочется сейчас о серьезном. Так хорошо у костра просто помолчать.

— А ты несерьезно об этом Расскажи. Я знаю, ты умеешь,— засмеялся Михаил.

— Хорошо... Вы, Михаил, любите читать?

— Конечно! Для отдыха. Фуру гнать через всю Европу — это, я вам скажу, не шутка. И так месяцами. Тут тебе не до «Братьев Карамазовых».

— А что читали последнее?

— «Аэропорт» Артура Хейли. Перед этим читал его «Отель».

— Не совсем то, что мне хотелось бы услышать,— заметила Диана,— но ладно. Пусть будет Хейли. Так вот, как вы думаете, что такое — фантастика?

— Ты меня спрашиваешь?

— Да. Прежде чем обсуждать что-либо, надо понять, говорим ли мы об одном и том же.

— Ну, хорошо... это роман, действие которого происходит в будущем или, скажем, при перемещениях во времени, в космосе и прочее.

— И там, наверное, речь идет о каких-то новых технологиях, недоступных нам сейчас...

— Конечно.

— То есть, как я поняла, это роман о будущем. А романы Хейли к этому отношению не имеют. Правильно?

— Ну, нет, у него...

— А теперь, представьте себе, что мы достигли такого уровня, что можем пере-

мещаться во времени. Предположим, додумался до этого какой-нибудь гениальный физик со включенными волосами. Но перемещать сразу человека — опасно. Для начала надо переместить во времени какой-нибудь объект. Например, книги Артура Хейли «Отель» и «Аэропорт». И отправим мы их в начало девятнадцатого века. Итак, американцы или европейцы, уж не знаю, к кому книга попадет, обнаруживают роман, действие которого происходит в будущем. А мы с вами, только что, решили, что книга, действие которой происходит в будущем и в которой описаны новые технологии, относится к жанру фантастики. Но, согласитесь, у них в руках окажется странный фантастический роман. В нем читатель девятнадцатого века столкнется с такими технологическими достижениями, что он ничего не поймет без подробных комментариев, но, в то же время, речь в книге идет совсем не о них. Это книги о человеческих отношениях, страстях и конфликтах. И как раз эти отношения совершенно фантастичны для читателя девятнадцатого века.

— Понимаю тебя. Но как сейчас можно написать книгу, чтобы это было написано как бы в будущем и для людей того времени?

— В этом и заключается задачка для фантастов. Ты понимаешь меня, Янка?

— Я то понимаю тебя, то снова не понимаю... Но больше понимаю...

— Или возьмем роман Михаила Шолохова «Тихий дон». Уж так это далеко от какой-либо фантастики. Но представьте себе, что было бы, если бы эта книга оказалась в России восемнадцатого века и была переведена на тот язык!.. «Тихий Дон» сразу же становится невероятной фантастикой в жанре альтернативной истории! Российская империя разрушена, монархия свержена! Вдумайтесь, что там происходит! В стране гражданская война, трещат пулеметы, рвутся гранаты и снаряды, какие-то газы... Россия преобразается в новое государство... Разве это не фантастика!? Но, при этом, какая психологическая глубина! Какая художественная мощь! Сколько мудрости и поэзии! Какие страсти и коллизии — жизнь, смерть, любовь, ненависть! Вот о чем я говорю. Настоящим современным фантастическим романом будет новая эпопея «Война и мир», действие которой происходит в будущих веках, в космосе, в других галактиках. Но мне скажут, что такая эпопея есть — «Звездные войны». Ха-ха-ха! — отвечу я вам. Можно ли это сравнивать? Где Наташа Ростова, которую князь Андрей оставляет на Земле, отправляясь на битву с межгалактическим узурпатором? Где его мысли под дубом? Где «совет в Филях», происходящий на какой-нибудь захудалой орбитальной станции?.. Где роскошная Элен в платье, созданном с использованием новейших технологий, которое меняет цвет и покрой в любой момент, когда она этого пожелает? А в особо пикантных случаях оно может и вообще исчезнуть с ее тела, оставив на ней только бриллианты?..

— Диана, прекрати! — хохочет Михаил. — Теперь верю, что ты писатель. И комик, к тому же. Но почему бы тебе не взять и написать такой роман? Ты уже знаешь, что надо делать.

— Знать и уметь, разные вещи.

— Нет-нет, я уже вижу, что ты на многое способна.

— Кто знает. Может и способна. Когда-нибудь и замахнусь на нечто подобное.

— Да... Замыслы у тебя грандиозные!

— Что там замыслы, — махнула рукой Диана. — Я еще в самом начале пути. Можно сказать, я еще в детский садик хожу. А ведь еще школу надо закончить, университет, а тогда уже и за работу браться. То, что я задумала, требует большой подготовки.

— Так у тебя и жизни не хватит.

— А кому ее хватает, — заметила Диана. — Душа — она всегда на взлете, а вот тело слабеет. Да жизнь доканывает.

— Да, жизнь — она такая... — заметил Михаил, подбрасывая валежник в огонь. — А что будет дальше, вообще не известно.

— А мне кажется, — сказала Диана, — сейчас самые счастливые моменты нашей жизни. Посмотрите, какая ночь! Какое кругом чудо!.. Янка, тебе не холодно?

— Я плед сейчас достану, — поднялся Михаил.

— Нет-нет, мне у костра тепло, — поеживаясь, сказала Яна.

— Ничего-ничего, накроем твою спинку, а то от реки тянет... Попрохладнело, однако.

Михаил закутал Яну в плед и разлил всем чай в большие кружки.

— Можно руки погреть, — сказал он.

— Интересно, — сказала Диана, — тут кто-нибудь до нас останавливался?

— Да. Мы с Денисом остатки костра заметили.

— Это я заметил, — уточнил Денис.

— Ну, да, правильно, ты у нас самый глазастый.

Все у костра замолчали, прислушались.

— Как тут все... необычно! — произнесла Яна, задумчиво глядя в темноту, обступившую их со всех сторон. — Я обязательно нарисую большую картину, с этой елью над рекой, с отражением леса в воде, костром и звездами в небе. Здесь такая атмосфера, что хочется верить чудесам. Очень много в мире рациональных людей, но они живут в городах. А если ты живешь в лесу или в горах, если плаваешь в море, то будешь совсем другим человеком.

— Это точно, — согласилась Диана. — Английский писатель, Джозеф Конрад, а до писательства он был капитаном корабля, говорил, что не знает ни одного матроса, который, пережив тайфун, остался атеистом.

— А когда он плавал? — спросил Михаил.

— То было в девятнадцатом веке. Он плавал на парусных судах.

— Могу представить...

— А ты, — обратился Денис к Яне, — видела в жизни что-нибудь таинственное?

— Денис, почему на «ты» обращаешься? — сделал ему замечание Михаил.

— Ничего-ничего, мы тут с ним уже запросто общаемся. Мы уже на «ты» перешли, — приобняла Дениса за плечо Яна. — Таинственное, говоришь? У меня все было таинственным и чудесным... Но это не будет тебе интересно.

— А вы видели каких-нибудь духов? — спросил у Дианы Денис.

— Сто раз, — ответила Диана. — Помню, когда-то в детстве, с моим другом, Мишкой, вызывали духов, гадали с блюдцем.

— Вообще-то советуют этим не заниматься, — заметил Михаил.

— Знаю, но был такой период в детстве, когда любопытство пересилило.

— И что, кто-то отвечал?

— Вот, именно — кто-то. А кто, не знаю. Но ответы бывали любопытные. Однажды мы вызвали дух полководца Суворова. Думаем, что бы у него спросить такое. Полководец ведь. Ну, мы и спросили, какая армия самая сильная в мире — российская или американская?

— Интересно, — заинтересовался Михаил. — Что же он ответил?

— А вот угадывайте. Тогда и увидим, кто из вас Суворов.

— Российская, — сказал Михаил.

— Нет.

— Американская?

— Нет.

— Но ведь всего два варианта, как я понимаю.

— Только не для Суворова. Вы забываете, что это был выдающийся полководец. Он ответил коротко и гениально — «моя».

— О!.. Сильно! — проговорил Михаил.— Хорошо сказал!

Яна, кутаясь в плед, встала и, осторожно ступая в темноте по траве, подошла к катамарану. Он лежал на берегу, у самой воды. Она не видела ни реки, ни леса напротив, только верхушки деревьев едва угадывались на фоне неба. Яна села на упругую гондолу и прислушалась к тихому журчанию реки, вдохнула прохладный речной воздух.

— Яна, все в порядке? — послышался голос Михаила.

— Да-да. Все хорошо. Просто я хочу здесь посидеть.

Яна хорошо видит Диану у костра, слышит ее голос, смех Михаила и Дениса. Дианка опять рассказывает что-то смешное.

Яна смотрит на Диану и думает — ведь она же все время со мной, поддерживает меня во всех смыслах, не отходит от меня ни на шаг, но как же она, при этом, умудряется оставлять меня одну тогда, когда мне хочется побыть в одиночестве. И сейчас она оставила меня одну... Наверное, это от того, что она хочет, чтобы я чувствовала себя свободной. Да, это так, ведь однажды, еще в своем письме, она так и писала: «Любить свободу — это значит дать другому возможность быть свободным».

Освещая фонарем землю под ногами, к Яне подошел Михаил.

— Заброшу пару донок,— сказал он.— Утром будем с тобой, Яна, вытаскивать. Ловила когда-нибудь, рыбу?

— Нет. Интересно, что поймается.

— Да, это и есть самое интересное. Судя по течению, тут довольно глубоко. Тут и лещ может быть, и хорошая плотва, и вимба, и линь...

Михаил с легким всплеском забросил донки и, войдя в воду, вымыл руки.

— А вода-то теплая! — сказал он.— Да, Диана права. Много было у нас с Денисом стоянок, но это место лучше всех.

Он вышел на берег и подошел к катамарану.

— Посмотри, Яна, вот за это надо потянуть и навес закроется до конца. Пока пусть будет так, а потом вы сами отрегулируете, как вам нравится. Если что, зовите. Мы рядом.

— Спасибо вам, Михаил!

— Да что ты. Это вы нам помогли. Мы с сыном настроились на поездку, а у друзей проблема дома. Благодаря вам, мы здесь. А Диана у тебя сильная. Хорошая у тебя подруга. И, к тому же, веселая.

— Она мне даже больше, чем подруга. Она мне — как сестра.

— Тогда еще лучше. С ней не пропадешь.

— Когда она была маленькая, она мне так и писала. Лет десять ей тогда было, и очень забавно это звучало. А еще она писала, что «усестрит» меня. Теперь-то я вижу, что шутки ее — совсем и не шутки.

— Отдыхайте. Пойду своего парня укладывать, а то они с Дианой всю ночь проговорят. А нам ведь еще завтра плыть. Хорошего вам сна!

— Вам тоже, Михаил, хороших снов!

В спальном мешке оказалось очень тепло и уютно. Они с Дианой прижались друг к другу и даже обнялись, чтобы было теплее.

— Ну и денек! — прошептала Диана.— Сколько всего было!

— Устала?

— Нет, совсем и не устала.

Полог над ними был раскрыт, и они лежали, глядя на звезды.

— Красивая это штука — звезды,— сказала Яна.— Только в жизни нет времени обратить на это внимания.

— В первую нашу ночь с Ником мы тоже лежали под звездами,— блеснув глазами, шепнула Диана.— И, между прочим, мы целовались...

И придвинувшись к Янке, она поцеловала ее в щеку.

— Дианка! — прижалась к ней Яна.— Прекрати хулиганить!.. А что-то прохладненько как-то.

— Сейчас согреемся. Смотри, что у меня есть.

Потянувшись, она достала что-то из сумки.

— Что это?

— Коньяк. Маленькая бутылочка. Я сегодня в баре купила. Знала, что пригодится.

— Дианка, ты что?

— А что? Бутылочка то сувенирная. На два хороших глотка. Зато сейчас согреемся. Давай, быстренько, раскрывай ротик. И не спорить! Делай глоточек.

— Из горлышка?

— Конечно.

— До чего я дошла. Коньяк из горлышка!..

— Давай-давай... Молодец! Вот!.. Хорошая девочка! Дианка тебя научит согреваться. Давай теперь мне... Хе-х!!.. Чувствуешь, как тепло пошло по всем жилкам?

— Чувствую.

— Потом, перед самым сном, еще глотнем.

— Ох, Дианка!

— Что Дианка... У нас теперь есть тайна — вместе под одеялом коньяк из горла хлестали. Фу-ф!.. Хорошо!.. Мне нравится. Здорово, что поплыли. А то сидели бы сейчас там одни, как две клуши. Нет, Янка, жить надо так, чтобы... свист ветра в ушах. Помнишь, как Маяковский говорил? По жизни надо идти так, чтобы штаны трещали.

— Дианка, я так не могу ходить... Ты же знаешь. И вообще, у меня уже голова закружилась...

— А ты положи головку на подушечку. Только ты еще не спи. Я с тобой еще не наговорила. Знаешь, я с тобой никогда не смогу наговориться. Даже если бы мне миллион лет жизни дали, я и тогда с тобой не наговорила бы.

— О чем со мной говорить? Да еще миллион лет. Я ничего не знаю.

— Расскажи мне еще что-нибудь, про маленькую Янку.

— Мне про «маленькую Янку» забыть хочется.

— Тогда просто полежим и посмотрим на звезды. Самое чудесное — засыпая видеть звезды.

— Я думаю, эту ночь мы никогда не забудем.

— Как можно ее забыть! Ты устала, Янка. Засыпай...

— Нет. Я спать не хочу. У меня столько идей появилось. Вот вернемся домой, начну рисовать.

— Ель над рекой?

— Да. Все это место.

— Ты можешь в любой комнате мастерскую устроить. А можешь сразу во всех.

— Мне достаточно уголочка у окна. Так мне уютнее... А у тебя никакие идеи не появились? Столько всего за эти два дня было! Ты бы тоже начала что-то новое.

— Еще пока думаю. Не все, что происходит в жизни, может быть темой книги. Однажды я поняла одну вещь — важны не какие-то события, а намеки. Недосказанное дает мне гораздо больше. Рассказать один случай?

— Да.

— Однажды зимой я вышла из дома очень рано. Было часов шесть утра. Проснулась, решила поработать, но перед этим захотелось пройтись по морозцу. Темно еще,

фонари горят, иду одна по дороге, а снег метет и метет, снежинки вокруг ламп кружатся, как мошки. С каждой лампы сосульки свисают. Иду... И вдруг вижу, у ворот одного из домов, на краю дороги, стоит машина. Возле нее дядечка... Ну, такой — лет семидесяти, седой, но бодрый, одет прилично. Стоит он у машины и набирает номер на мобильном. Я сразу поняла, что звонит он кому-то в этот дом, возле которого остановился. Представь, шесть утра, темно, в том доме ни в одном окне света нет, все спят, а он стоит у ворот и звонит...

— Да, любопытно.

— Вот, и мне показалось, что это может быть началом интересной истории. Что-то очень важное происходит, раз приехал он так рано, и нельзя было подождать, пока наступит утро. Отличнейшее начало книги или фильма! Тут целая драма намечается!.. Надо только догадаться, что же происходит... Я продолжаю идти дальше, и вдруг слышу за спиной голос того дядечки. Видимо, он дозвонился. И говорит он по телефону так громко, что я слышу каждое слово... Но знаешь, лучше бы я не слышала то, что он сказал. Это все испортило. Уничтожило всю атмосферу саспенса и нуара. Пропала вся глубина и таинственность происходящего. А сказал он вот что: «Эй, сосед, ну так как, ты едешь в Ригу со мной? Ну, тогда давай, собирайся. Я как раз мотор разогреваю... Да, я уже тут, у твоего забора».

— Эх, разрушил он твой нуар! — засмеялась Яна.

— Вот, и я об этом. Так что, если что-то пишешь, надо не все слышать, не все видеть и не все знать. Намеки, детали, а остальное — вот тут,— показала Диана на свой лоб.— Можно, конечно, взять ту завязку и преобразить все в другую историю.

— Так и сделай. Ты сама себе хозяйин. Это твой мир... А почему тебе интересны мои истории из прошлой жизни?

— Дело не в «интересны», хотя, это тоже... Просто тогда смыкается круг. Чем больше я о тебе узнаю, тем больше мне кажется, что мы всегда были вместе. Твои рассказы становятся моими воспоминаниями. А что связывает вместе людей, которые провели детство вместе? Воспоминания. Ты всегда, Янка, была со мной.

Яна протянула руку, коснулась лица Дианы и почувствовала его тепло и маленькую слезинку на щеке. Она накрыла ее ладонью...

— Давай расскажу тебе о Рубине.

— Это имя?

— Да.

— Красивое. Никогда не слышала о таком имени. И кого так звали?

— На стене нашего детского дома было мозаичное панно,— начала Яна и замолчала, глядя на летящий в небе самолет.

Он помигивал огоньками на фоне искрящейся дымки Млечного пути. Иногда он пропадал, скрытый легкой пеленой дымки, и снова показывался в черном небе...